
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ И АДМИНИСТРАТИВНЫЕ СТРУКТУРЫ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

М. Ю. Мельчакова, Б. Б. Овчинникова

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРУКТУР В НОВГОРОДСКОЙ РУСИ И СКАНДИНАВИИ (IX–XII вв.): СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Согласно классическому определению, термин «демократия» определяется через буквальный перевод с древнегреческого как «власть народа». Историками он используется в двух вариантах. С одной стороны, это одна из форм государства (государственного строя), выделяемая еще Аристотелем. Наряду с этим, на основании буквального толкования термина, демократия часто связывается конкретно со сферой управления обществом. Однако, с другой стороны, учитывая опыт демократического развития общества, возможно отнесение термина к общественно-историческим явлениям. Так, участие народа в политической жизни страны в идеале формирует общественную мораль взаимной ответственности, системы взаимопомощи, определенных социальных гарантий, правового равенства. В конечном счете, демократическое устройство общества влияет на самого человека, его самосознание, самоопределение (примером этого вполне может считаться «полисная» мораль, связывавших жителей каждого полиса в единое целое). И все же нужно признать, что на практике черты демократии наиболее ярко прослеживаются все-таки в системе управления. Именно поэтому в предлагаемом варианте настоящего изложения при формулировке темы была взята буквальная трактовка термина, относящаяся к характеристике, прежде всего, управленческих структур рассматриваемых обществ.

Выделение двух достаточно крупных регионов для сравнения: Новгородской Руси и Скандинавии, объясняется не только их особым общественным устройством, но и сравнительной близостью условий формирования этого устройства. Сам термин «Новгородская Русь» утвердился в историографической традиции сравнительно недавно. В 1999 г. в серии «Проблемы истории России» Уральского госуниверситета вышел сборник под названием «Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие»¹. Введение такого термина для территории Новгородской Земли обосновывается возможностью его применения на основе источниковой базы, сложившейся в истории изучения Новгорода и его сопредельных территорий. Так, на основании Повести временных лет, в которой приводит-

ся не один, а два варианта зарождения древнерусской государственности (легенда о призвании варягов новгородцами и киевское предание о Кие, Щеке и Хориве), исследователи приходят к заключению о наличии двух первоначальных центров древнерусской государственности, существовавших одновременно и заложивших основы двух разных государств: Киевской Руси и Новгородской Руси. Правомерность введения такого употребления доказывается как на основе лингвистических данных (А. А. Зализняк, проанализировавший материал новгородских берестяных грамот с точки зрения норм древнерусского языка, дошедшего до нас в киевском варианте, пришел к выводу о существовании особого древненовгородского диалекта уже в XI–XII вв., который более чем 20-ю признаками отличался от диалекта южной группы восточного славянства), так и на материале топонимов (сравнение наименований новгородских и польских деревень, личных имен дохристианского периода)². Кроме того, на основе правовых норм (еще в 1989 г. Н. Н. Гринев на основании анализа Краткой Правды сделал вывод о существовании 2-х систем права в Киевской Руси³), а также на археологическом (данные курганной археологии⁴) и нумизматическом материалах (В. Л. Яниным выделяются две области с разными весовыми единицами и денежными системами разной экономической и внешнеторговой направленности – с ориентацией на византийскую литру (южная) и северную – западноевропейскую марку⁵). Таким образом можно сказать, что Новгородская Русь охватывает обширные территории, входившие в состав Новгородского государства в X–XV вв. от Балтии до Урала⁶.

Скандинавия – термин по своему характеру скорее территориальный. Однако в географическом понимании Скандинавия отдельно не выделяется – она входит в состав так называемой Фенноскандии⁷ (Скандинавский полуостров и Финляндия). Тем не менее, согласно историко-культурной традиции, в Скандинавские страны включают Норвегию, Швецию, Данию, а также остров Исландию⁸. Причины выделения скандинавского субрегиона в составе Северо-Западной Европы заключаются в том, что скандинавские страны всегда отличались рядом общих черт: это и сходство природно-климатических условий и включенность в единые исторические процессы. Вместе с тем, скандинавские страны отличались, в целом, однородным этнокультурным составом. К началу средневековья они были заселены преимущественно северными германцами (скандинавами), имевшими общие хозяйственные занятия, материальную культуру, верования, способы расселения⁹. А. Я. Гуревич, в комментариях к «Хеймскрингле», говорит о том, что в древнеисландской литературе датским языком принято называть скандинавскую речь вообще¹⁰, что свидетельствует о сходстве языков населения Скандинавии.

Особо следует выделить вопрос о включении в состав Скандинавии

Исландии. Несмотря на значительную удаленность от других стран, Исландия была тесно связана со скандинавскими странами. Так, еще в конце VIII в. Исландию открыли ирландские монахи¹¹, а со второй половины IX в. (около 870 г.) началось переселение норвежских бондов на остров¹². Таким образом, Исландия была заселена представителями скандинавской культурно – исторической общности, а сходство природных условий не позволило Исландии окончательно оторваться от Скандинавии.

Следует также остановиться на причинах, по которым из состава Скандинавии традиционно исключают Финляндию. Несмотря на большое сходство природного фактора, в указываемый период Финляндия не представляла собой самостоятельной единицы даже в культурно-историческом плане. Территорию Финляндии населяли племена, платящие дань и скандинавским государствам (Норвегии), и Новгородской Руси.

Что касается хронологических рамок: IX–XII вв., то определяются они исходя из нескольких соображений. Нижняя граница строго соответствует состоянию источниковой базы: первые более или менее достоверные письменные источники относятся ко второй половине IX в. (это легенда о призвании варягов, помещенная в Повести временных лет под 6370 г. и в «Житие святого Анскария» Римберта). XII век, как рубежный, определяется несколько по-другому. Связан он с внутренними характеристиками рассматриваемых структур обществ и того, и другого региона. Для Новгорода XII век – ключевой в определении специфики системы управления. Именно в XII в. происходит оформление роли князя в вечевой системе управления, а соответственно и новгородского веча, формируется система должностных лиц Новгорода Великого. Так, период с IX по XI вв. в новгородской истории – это время закладывания основ того политического строя, расцвет которого придется на XII–XV вв. и будет определяться как Новгородская республика. Вместе с тем, для большинства стран Скандинавии XII в. также оказывается неким рубежом. Так до XIII в. в традиционно опережавшей другие страны Норвегии, было основано архиепископство (в Нидоросе), по случаю которого впервые был создан совет королевства¹³. Этот совет по составу и принципу функционирования совершенно противоречил тем традициям управления, которые доминировали в обществе – традициям тинговой системы, включавшей в себя все население (принцип всеобщности) и обладавшей верховным правом на решения государственной власти. В Швеции, которая примерно на столетие отставала в социально-политическом и культурном развитии и от Норвегии, и от Дании, сходные процессы прошли несколько позднее – в середине XIII в.¹⁴ В Исландии же с 1153 г. независимая исландская церковь стала подчиняться норвежскому архиепископу¹⁵, что положило начало зависимости ее от Норвегии, приведшей в XIII в. к потере независимости¹⁶.

Таким образом, для всего Скандинавского региона XII в. может считаться рубежом при рассмотрении демократических структур общества *лишь относительно* (типологически сходные явления несколько растягиваются – до первой половины XIII в.), однако именно этот век отделяет существование двух противоположных систем. В принципе, для Скандинавии XII век можно рассмотреть и в ином ракурсе: основные письменные источники по этому периоду относятся именно к XII, частично к XIII в. (для Норвегии, Дании, Исландии) или к XIII – первой половине XIV в. (для Швеции): это и областные судебники¹⁷, и саги¹⁸. Следовательно, реконструкция системы управления возможна лишь в широких рамках XII–XIII вв. (для Швеции – до начала XIV в.) включительно.

Итак, исходным моментом к обращению настоящей темы было *видимое сходство* систем управления обществ Новгородской Руси и Скандинавии в «эпоху викингов». Как оказалось, по мнению ряда исследователей, это сходство имело место, что, позволяло подтвердить гипотезу Г. С. Лебедева об общности исторического развития двух регионов в рамках особой так называемой им «субконтинентальной балтийской» цивилизации. Согласно его мнению, был выявлен ряд социально-экономических и историко-культурных показателей, характеризующих существовавшее в VIII–XI вв. интерэтническое культурно-экономическое сообщество, объединившее страны Балтии¹⁹. Это сообщество сложилось в пределах одного из европейских «субконтинентов», состоящего из примыкающих к побережьям Балтийского и Северного морей равнинных низменностей, ограниченных на юге цепью возвышенностей (Арденны – Гарц – Рудные горы – Судеты – Силезия – Белорусская) в том числе – Валдайская и Вепсовская. Для нас именно они интересны в том плане, что эти районы составляют естественную границу, отделяющую территорию Новгорода от других древнерусских княжеств. Таким образом, Г. С. Лебедев включает Новгородскую землю (по крайней мере ее северо-западную часть) в состав Балтийской общности наряду в том числе (с Англией, севером Франции, Германии) со Скандинавскими странами и Финляндией. Последнее тем более важно, что впервые часть Древней Руси оказалась в одном ряду со странами Северной Европы, традиционно рассматриваемой отдельно. Таким образом, предлагаемый Г. С. Лебедевым вариант балтийской общности оказался новым подходом к рассмотрению средневековой истории как Скандинавских стран, так и Новгородской Руси.

Однако, отмечая общность социальных, экономических, культурных процессов регионов, входящих в «циркумбалтийскую общность», Г. С. Лебедев фактически не затрагивал административно-управленческую сферу, сферу политической организации общества, к характеристикам которой и относится демократическая традиция. В определенной степени, развивая

гипотезу Г. С. Лебедева, мы и обратились к проблеме демократических структур обществ этих двух регионов, входящих в «циркумбалтийскую общность», уточняя предположение Г. С. Лебедева и ряда других авторов относительно общности политического развития этих двух регионов.

Действительно, базовыми структурами обществ, как Новгородской Руси так и Скандинавии оказались демократические структуры, возникшие на основе племенного самоуправления и сохранившие свои позиции в сформировавшихся приблизительно в одно время (в X веке) раннесредневековых государствах. Однако содержание демократических структур управления и роль их в становлении и развитии государственности оказались различными. Именно различия демократических структур (как будет показано ниже) и обусловили тот очевидный разрыв, который произойдет позже в XIII–XV вв., когда в Скандинавии сформируются монархии, а в Новгородской Руси переживает расцвет республика.

Сравнение этих государственных структур объясняется не только их особым общественным устройством, но и сравнительной близостью условий *формирования* этого устройства. Это значит, что необходимым моментом оказывается определение времени и условий формирования государств в Скандинавии и Новгородской Руси. Так, Скандинавские страны и Новгородская Русь традиционно рассматриваются нами как некие специфические формы государства в сравнении их с соседними странами. Новгород – в будущем республика, с ярко выраженной вечевой деятельностью и принципом «вольности в князьях», всегда воспринималась историками отдельно от других древнерусских земель. Скандинависты, в свою очередь, говорят об общественном строе средневековой Скандинавии как о «стертой» форме феодализма или его особой «скандинавской» форме²⁰. При этом, и новгородские летописи, и исландские саги отличаются поразительным *единодушием*, повествуя о народовластии, об особых отношениях свободных бондов с конунгами и новгородцев с князьями. Несмотря на то, что взаимные контакты этих двух регионов несомненны, особенно для «эпохи викингов», отнести сходство только к культурной трансляции невозможно.

Для сравнения вариантов самоуправления Скандинавии и Новгородской Руси как проявлений демократической традиции необходимо определить тип самоуправления данных обществ, что возможно только при характеристике общего уровня развития северных обществ в IX–XII вв. (формы племенной общности, полиса, государства) Только так можно добиться правомерного сравнения демократических структур обществ этих регионов.

Если для догосударственного периода как для Новгорода, так и для Скандинавии подтверждается общность демократических структур в рамках племени или племенного союза (коллективная деятельность занимала достаточно сильные позиции в управлении – избрание Рюрика новго-

родцами, одновременное существование тинга и конунга в Скандинавии), то для этапа государственности проблема общности стоит наиболее остро, так как именно в этот период закладываются *противоречия*, которые привели к кардинальному расхождению путей Новгородской Руси и Скандинавии. И в том, и другом случае с формированием государственности в обоих регионах происходит трансформация племенных структур обществ, на основе которых сформировались системы самоуправления; ключевую роль в управлении стали играть вече и тинги.

Итак, образование государства в этих двух регионах относится примерно к X веку, однако окончательное территориальное оформление государств можно отнести уже к XII в. Несмотря на определенную общность культурно-исторического развития, проявляющуюся и в сходстве некоторых характеристик демократических структур, в этом отношении отличия Скандинавии и Новгородской Руси выступают все-таки особенно ярко.

Так, Новгородская Русь представляет собой пример отношений внутри государства по иерархическому принципу: город – (пригороды) или округа. Учитывая то, что Новгородское государство IX–XII вв. было очень обширным, система управления должна была так или иначе охватывать не только сам Новгород, но и земли – области, «тянущиеся к нему». Письменные источники освещают отношения с этими территориями достаточно скупой, однако можно попытаться восстановить ту схему отношений, которая определяла отношения Новгорода Великого с пригородами, которые тоже в свою очередь, являлись центрами отдельных территорий. Сам термин «пригород» по новгородским источникам впервые встречается только в конце XIV в., когда речь заходит об отнятии московским царем пригородов и волостей Св. Софии и Великого Новгорода (НПЛ. С. 391). Более раннее упоминание в Лаврентьевской летописи под 1176 г. «Новгородцы бо изначала, и смольняне, и кыяне, и полочане, и вся власти, якоже на думу, на вече сходятся, и что старейшие сдумают, на том и пригороды стануть» (ПСРЛ. М., 1962. Т. I. С. 377). То есть главными в определении пригородов выступают отношения подчинения, а потому статус пригорода весьма труден для определения.

Достаточно крупными пригородами можно считать Ладогу, Псков, Торжок (Новый Торг, Тържък), Русу, Изборск, Луки. Не останавливаясь подробно на характеристике взаимоотношений Великого Новгорода с этими пригородами, заметим, что укладывались они в предложенную схему отношений через назначенных лиц (князей или посадников). Определив место и значение пригородов в системе Новгородской земли IX–XII вв., можно сделать общий вывод: система управления на этой территории была построена на иерархическом начале, однако при сохранении определенной доли самостоятельности пригородов. Так, в отношении Новгорода как носителя

центральной власти в Новгородской Руси, пригороды занимали подчиненное место: высшие должностные лица в их системе управления так или иначе были связаны с Новгородом (через назначение князя или посадника, или через процедуру выбора в самом Новгороде), жители пригородов были обязаны участвовать в больших походах новгородцев. Однако при этом они обладали определенными правами, например на защиту своей территории новгородским войском с князем; право принятия должностных лиц, одобрение которых Новгородом могло и отсутствовать; право на участие в решении вопросов внутренней политики непосредственно самого Новгорода (например, вопрос о смещении князя), как это было предпринято дважды с небольшим промежутком ладожанами и псковичами. На основе прецедента: выбора епископа из (Старой) Руси, также можно говорить о потенциальном праве пригорожан на избрание в церковной сфере. Наличие не только обязанностей, но и прав, в том числе важнейшего – на избрание, говорит в пользу присутствия демократических традиций в системе центрального управления Новгородской Руси. К сожалению, данные относительно внутреннего управления пригородов восстанавливаются лишь по косвенным свидетельствам летописей, а потому подтвердить или опровергнуть наличие системы самоуправления, построенной на демократических принципах управления для данного периода невозможно, т.к. в новгородском летописании XII в. сведений об этом нет.

Совершенно иная система организации демократических структур характерна для Скандинавии. Начать нужно с того, что само понятие города как структурного центра для демократических институтов Скандинавии не характерно. По мере того как в Северо-Западной Руси город уже как минимум с начала XI в. выступает как административно-политический центр по отношению к окружающей его территории, скандинавский город выступал как совершенно иное явление. В частности, как показали широкомасштабные раскопки шведских торговых поселений – виков, эти поселения отличались рядом особенностей: в отличие от городов – центров. Они нередко располагались на так называемой «ничейной» земле, на пограничье племен (что обуславливало их свободу от юрисдикции местных властей); кроме того, по крайней мере на раннем этапе, вики не имели укреплений – оборонительные валы сооружались по мере роста поселения (в Бирке и Хебедю они возникли только в X в.). Вики отличались значительной площадью, однако численность населения была непостоянной, она зависела от торговых сезонов и т.д. Все это вкупе с чисто географическим расположением и хронологическими рамками (на торговых путях Балтики в «эпоху викингов») говорят о том, что ранние города не могли быть центрами окружающих земель, так как были ориентированы лишь на перераспределение ценностей.

Таким образом, для Скандинавии (за исключением Исландии) нельзя говорить об единой централизованной тинговой системе, равно охватывающей всю территорию отдельных округов (областей), а значит системы город – округа для Скандинавии не существовало.

Можно сказать, что налицо достаточно существенные различия между организацией тинговой системы Скандинавии и вечевой в Новгородской Руси. Если для Новгородской Руси система управления была построена вокруг главного веча с подчиненными ему пригородами, скорее всего имевших свое собственное управление, то в Скандинавии система управления достаточно «рыхлая», без определяющей роли города как политического центра и без четкой взаимосвязи между тингами различных уровней.

Причины этому следует искать в особенностях исторического развития, связанных с чисто географическими факторами. Природные условия и Скандинавии и большей части Новгородской Руси в принципе сопоставимы по целому ряду показателей, несмотря на ряд отличий²¹. Характерными чертами и в том, и в другом случае является достаточно суровый климат, таежная растительность. И в том, и другом случае важное значение для социально-экономического и политического развития имеют водные ресурсы/ коммуникации. Вместе с тем существуют и существенные отличия по данному параметру двух субрегионов. Если в Новгородской Руси решающее значение приобрела *речная сеть*²², то в Скандинавии – *морские пути*. Речная система рассматриваемых регионов – развитая. Но реки Скандинавского полуострова не играли той связующей роли, которая была характерна для Руси: чисто с географической точки зрения, рисунок речной сети русского Северо-Запада «площадной», а в Скандинавии «линейный». При этом следует учесть, что в виду горного характера скандинавские реки не могли широко использоваться как транспортные артерии. Эту роль сыграли морские коммуникации, значение которых в политическом развитии регионов совершенно иное.

Таким образом, можно сказать, что основное различие, которое и предопределило различие организации тинговой и вечевой системы как *централизованной* в Новгородской Руси и достаточно *автономной* в скандинавских странах, заключалось в природных условиях регионов, связанных в одном случае с речной сетью, а в другом с морскими коммуникациями. В отечественной историографии значимость речной сети в истории Древнерусского государства отмечалась еще С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским. Новгородская Русь с центром в Новгороде не была исключением. Исследователи уже давно обратили внимание на то, что район истока Волхова имеет чрезвычайно выгодное географическое положение²³. Здесь сходились обширные водные системы рек ильменского бассейна, по которым открывались выходы на юг по Ловати и Поле, на запад по Шелони, и на

восток по Мсте и начинался путь по Волхову на север в Ладожское озеро и далее через Неву в Финский залив. Тут расходились первоначально шедшие совместно из Балтики по Неве, Ладожскому озеру и Волхову два крупнейших торговых пути средневековья: установившийся к концу VIII в. балтийско-волжский путь и начавший складываться в IX в. путь из «варяг в греки»²⁴. Таким образом, Новгород замыкает в ключевой географической точке обширную разветвленную систему рек ильменской бассейна, охватывшую основные территории северной части Древней Руси. Другие города новгородской земли также возникали в ключевых местах водных путей²⁵. Как отмечает Е. Н. Носов, водные пути с «узелками» укрепленных поселений на ключевых участках и «узлами» зарождающихся городов составили основу Новгородской земли X в., стали центрами распространения публичной власти государства²⁶. А значит, централизованная система управления Новгородской Руси через отношения *город – пригороды*, где главную роль играло вече самого Новгорода, хотя при этом сохранялись права пригородов на участие в управлении государством, на основе определенной иерархии демократических структур находит экономико-географическое объяснение. Новгород «стягивал» воедино всю свою землю за исключением наиболее удаленных территорий, где управление ограничивалось сбором дани и защитой территории. Именно поэтому вечевая система управления и строилась на отношениях центра и округи.

Скандинавия же таких «объединяющих» природных условий не знала. Морские коммуникации не предполагают ограничения связи между отдельными территориями через отдельные точки, приобретающие значение центра. Города строились в основном на побережье (сначала торговые вики, а затем средневековые Тунсберг, Нидарос в Норвегии, Риббе, Хедебю в Дании, Упсала в Швеции), однако их связи с внутренними районами не были четкими, так как отдельные (фюльки) торговые объединения жили обособленной жизнью. Реки Швеции, Норвегии не могли организовать большого пространства вокруг себя, так как они чаще всего не образовывали «узлов» коммуникации. Поэтому и структура тинговой системы управления оставалась по большей части автономной, причем связи между тингами различных уровней нередко отсутствовали, что подтверждается дублированием общегосударственных решений. В Скандинавии система управления не была централизованна, хотя формальное объединение фюльков в судебно-правовые области существовало. Естественно, что при этом связи подчинения могли распространяться только на округу города, оставляя совершенно самостоятельными тинги всей остальной территории. Возможно, поэтому организация демократических структур в рамках государства оставалась достаточно рыхлой, то есть фактически совпадала с системой местного самоуправления.

Таким образом, системы организации демократических структур (вечевые, тинговые системы) в Скандинавии и Новгородской Руси достаточно сильно отличались друг от друга, объяснения чему можно увидеть в географических характеристиках регионов (в наличии или отсутствии системообразующего центра, связанного посредством речных коммуникаций со всей территорией). Становится очевидным, что в Новгородской Руси стройная система демократических структур выполняла роль связующего звена, объединявшего все земли в единое государство. В Скандинавии эта роль принадлежала королевской системе управления. Как кажется, именно это было одной из тех точек, которые определили дальнейшее расхождение в политическом развитии регионов.

В заключении еще раз хотелось бы отметить, что, уже при формировании государственности в Новгородской Руси и Скандинавии были заложены совершенно различные основы отношений между институтами власти, построенными на демократических принципах (тинга и веча), и властью князя и конунга. Если для Новгорода это были договорные отношения, закрепившие определенные права новгородцев, и в том числе право «вольности в князьях» и заложившие основу будущих «Ярославовых грамот», то для Скандинавских стран (за исключением Исландии) отношения с конунгом продолжали строиться на традиции, подкрепленной выросшей потребностью в защите территории. В дальнейшем на этой основе выросли и другие отличия. Конунг в Скандинавии был внешним элементом в системе управления, он был связан с демократическими структурами лишь формально, осуществляя сбор податей (вейцлы) и возглавлял народное ополчение. Конунг формирует и собственный аппарат управления, который и объединяет страну. Князь же в Новгороде постепенно становится частью республиканской системы управления, отвечая за сместной суд вместе с посадником. Таким образом, князь становится неким должностным лицом для Новгорода, а институт княжеской власти входит в структуру демократических институтов как органичная часть ее.

Сама процедура выбора князя или конунга говорит о серьезных отличиях. Новгород достаточно независимо от Киева выбирал князя уже с конца XI в. (по реконструкции В. Л. Янина с 1096 г.²⁷), при этом новгородцы учитывали и личные качества князя, и его связи с другими княжествами, то есть по принципу выбора наиболее подходящей кандидатуры. В Скандинавии такого выбора тинги не имели. Действительно, власть конунга должна была подтвердиться на тинге, однако тинги представляли собой принимающую, а не выбирающую сторону. В принципе, они могли не согласиться с выбором конунга, однако такие случаи в сагах просто не встречаются. То, что конунг был обязан следовать обещаниям, которые он давал при избрании, естественно ограничивало его власть, однако это

не меняло сущности взаимоотношений конунга с тингами. Характерно то, что если было несколько претендентов стать королями в стране, выбор должен был произойти еще до тинга.

К явным сходствам можно отнести совпадение тинга/веча с народным ополчением, наличие судебных функций и у вече, и у тинга. Однако по другим параметрам демократические структуры заметно отличались. Так, тинги были распространены достаточно равномерно, тогда как развитая вечевая структура для данного периода достоверно известна только для Новгорода – развитие ее вширь приходится на более поздний период.

Хотя и в Скандинавии, и в Новгородской Руси этого периода вертикальная (должностная) демократическая структура управления достоверно была представлена только одной должностью: посадника или лагмана (законоговорителя в Исландии), содержание и роль этого института была достаточно различной. Так, если лагман представлял власть тинга как системы местного самоуправления, то должность посадника была напрямую связана с государством. При этом, посадничество выступало носителем демократической функции гораздо в большей степени, нежели лагманство. Это проявляется, прежде всего, в отсутствии практики смешения лагманов, то есть нарушается должностной порядок функционирования института лагманства. Хотя, с другой стороны, лагманство было широко распространено и было принято во многих областях и фюльках, тогда как новгородский посадник знаком только для Новгорода и отчасти для новгородских пригородов.

Что же касается демократических структур в рамках государств, то как оказалось, системы отличались достаточно сильно. В Новгородской Руси государственные демократические институты были сконцентрированы в рамках самого Новгорода, по отношению к которому пригороды занимали подчиненное положение, хотя и они также имели право на участие в решении общегосударственных вопросов. В Скандинавии тинговая система была «размыта» и представляла собой отдельные самоуправляющиеся общности. В принципе, подчинения в пределах тинговой системы не существовало, так как решения могли приниматься на каждом тинге. Областные тинги действовали лишь в исключительных случаях.

Таким образом, однозначно оценить развитие демократической традиции в Новгородской Руси и Скандинавии достаточно сложно. С одной стороны, демократические структуры в Новгороде, поставленные на правовую основу, оказались не только прочнее, но и смогли развиваться дальше. В Скандинавии традиция демократического управления на государственном уровне начинает клониться к упадку уже в XII в. С другой стороны, тинговая система несомненно охватывала всю территорию Скандинавии, тогда как для Новгорода можно с уверенностью говорить о вече

только главного города, хотя косвенные данные есть и по пригородам. Возможно, это связано с отсутствием необходимой источниковой базы, поскольку новгородские летописцы скорее всего не были заинтересованы в сельских самоуправляющихся областях, чьи отношения с Новгородом в IX–XII вв. ограничивались сбором дани и военными походами.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод о том, что несмотря на внешние сходства демократических структур Новгородской Руси и Скандинавии (явно прослеживаются общие истоки в племенном самоуправлении) различия были достаточно существенными, что и привело к формированию разных форм государств (монархии и республики). К этому хотелось бы добавить также мнение специалистов о том, что культурное и лингвистическое родство северных народов часто способствует смешению в науке представлений о скандинавских общинах, которые тем не менее были различны^{2 8}, то тогда усиливается и значимость нашего вывода о том, что предположение о сходстве политического развития регионов в рамках балтийской субконтинентальной цивилизации, не подтверждается, что ставит определенные пределы известной гипотезе, предложенной в свое время Г. С. Лебедевым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. Екатеринбург: БКИ, 2000. – 420 с., ил.

² Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М.: Языки русской культуры, 1995.

³ Гринев Н. Н. Краткая редакция Русской Правды как источник по истории Новгорода XI в. // Новгородский исторический сборник. Л.: Наука, 1989. Вып. 3 (13). С. 41.

⁴ Седов В. В. Первый этап славянского расселения в бассейнах озер Ильменя и Псковского // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994. С. 127–137.

⁵ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁶ Овчинникова Б. Б. Предисловие // Проблемы истории России. Вып. 3: Новгородская Русь: историческое пространство и культурное наследие. С. 6.

⁷ Власова Т. В. Физическая география материков. М.: «Просвещение». 1976. С. 130

⁸ История Европы. М.: Наука, 1992. Т. II. С. 171.

⁹ Там же.

¹⁰ Гуревич А. Я. Примечания // Снорри Стурлусон. Круг Земной. М., 1980. С. 633.

¹¹ Страны и народы. Зарубежная Европа. Северная Европа. М.: Мысль, 1981. С. 257.

¹² История Норвегии. М.: Наука, 1980. С. 103.

- ¹³ История Норвегии. С. 144.
- ¹⁴ Ковалевский С. Д. Шведские областные законы как исторический источник // Средние века. М.: Наука, 1971. Вып. 33. С. 287–301.
- ¹⁵ Стеблин-Каменский М. Вступительная статья // Исландские саги. М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1956. С. 8–9.
- ¹⁶ История Норвегии. С. 156.
- ¹⁷ Гуревич А. Я. Норвежское общество в раннее средневековье. С. 14–18.
- ¹⁸ Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е. А. Мельникова. М.: Логос, 1999. С. 426–441.
- ¹⁹ Лебедев Г. С. Балтийская субконтинентальная цивилизация раннего средневековья // X Всесоюзной конференции по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. С. 158.
- ²⁰ Сванидзе А. А. Средневековый город и рынок в Швеции. М.: Наука, 1980. С. 7, 8.
- ²¹ Власова Т. В. Физическая география материков. М.: Просвещение, 1976. С. 130.
- ²² Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы и ее роль в образовании городских центров Северной Руси // Великий Новгород в истории Средневековой Европы. К 70-летию В. Л. Янина. М.: Русские словари, 1999.
- ²³ Носов Е. Н. Новгородское (Рюриково) городище. С. 171.
- ²⁴ Там же. С. 168.
- ²⁵ Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы... С. 167.
- ²⁶ Носов Е. Н. Речная сеть Восточной Европы... С. 168.
- ²⁷ Янин В. Л. Новгородские посадники. М.: Изд-во МГУ, 1962. С. 52–54.
- ²⁸ Ниссен Жюбер А. Скандинавы в Европе: археологическое измерение // Диалог культур и народов средневековой Европы. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. С. 240.

О. В. Скобелкин

КОНТАКТЫ СЛУЖИЛЫХ «НЕМЦЕВ» С ПОСОЛЬСКИМ ПРИКАЗОМ В 10–20-Х гг. XVII ВЕКА

Посольский приказ был первым центральным ведомством, с которым приходилось иметь дело каждому приехавшему на службу в Россию иностранцу. Сразу же по пересечении границы «выезжий» иноземец попадал в ведение уездных воевод, которые, выяснив цели его приезда, докладывали в Посольский приказ. Именно там принимали решение о пропуске иностранца внутрь страны.

Если в пограничном городе находился кто-то из иностранцев, пользующийся доверием руководителей Посольского приказа, то его использовали, чтобы выяснить, что представлял собой приезжий. Так, в 1617 г. Посольский приказ поручил двинским воеводам обратиться к отъезжавшим в Англию русским послам, чтобы те узнали у английского посла Дж. Меррика (он покидал Россию вместе с ними) про двух приезжих англи-